

Б. А. Шелковников

Средневековая художественная керамика Ближнего и Дальнего Востока

(По материалам Исторического музея Армянского филиала Академии Наук СССР)

Исторический музей обладает богатейшим, европейского значения, собранием керамики средних веков, и одно обстоятельство, чрезвычайно ценное в научном отношении, является его особенностью, а именно: почти все предметы средневековой керамики Музея найдены при раскопках, что облегчает как их датировку, так и классификацию. К сожалению, сохранность большинства предметов очень плохая. Совсем целых предметов почти нет, меньшая часть сохранилась настолько, что по ней можно судить как о форме сосудов, так и об орнаментации в целом, большинство же представляют лишь фрагменты. Последние, сильно понижая художественную ценность собрания, мало умаляют его научное значение, для чего, как уже упоминалось, особенно важно то, что предметы найдены в научно проведенных раскопках. Именно это обстоятельство дает нам возможность пролить свет на совершенно еще не изученную керамическую промышленность Кавказа в целом и Армении в частности¹ и выяснить некоторые темные и спорные вопросы происхождения и датировки ближневосточной керамики, а в некоторых случаях даже облегчает датировку дальневосточных изделий.

Собрание Музея составилось из трех коллекций. В основе лежит богатейшее собрание керамики, найденной при раскопках города Ани, затем второе место занимает собрание предметов, найденных в Двине, и наконец, третье—коллекция иранских фаянсов, пожертвованных Музею Ш. Малаяном.

Анийская коллекция составила из предметов, найденных при раскопках города Ани, производившихся под руководством академика Н. Я. Марра в 1892—1917 гг. Это собрание до мировой войны находилось в Анийском музее древностей. Во время войны 1914—18 гг.

¹ См. мою статью в Известиях АрмФАН, № 3—4, 1942 г. „Художественная керамическая промышленность средневековой Армении“.

собрания Музея были эвакуированы в Санаин, откуда после революции поступили в Исторический музей Армении.

В 1928 году Музей получил в дар от Ш. Малаяна коллекцию иранской керамики. Малаян занимался в Иране антикварным делом и собирал свою коллекцию в разных местах страны. Место находки обнаруженной таким путем керамики обычно вызывает сомнение, так как антиквары часто с целью поднятия цен приписывали к таким популярным центрам, как Рей, фаянсы, заведомо найденные в других местах, но для нашего собрания эти сомнения не должны иметь места по той причине, что, во-первых, собрание состоит из фрагментов, не имеющих большой рыночной стоимости, и, во-вторых, оно было передано Музею безвозмездно, и, следовательно, коммерческие соображения отпадали. Собрание состоит из предметов, найденных в Рее, в районе Султанабада, и приобретенных в Иране; место находки последних неизвестно. Наконец, в 1939 году в Музей поступило собрание керамики, найденной в Двине в 1938 и 1939 гг.

Фаянсы Месопотамии и Ирана

Производство поливных керамических изделий существовало на Ближнем Востоке с древнейших времен. Уже за два—три тысячелетия до нашей эры в Египте производились статуэтки, вазочки и другие керамические изделия, покрытые прозрачными и глухими цветными глазуриями. В Месопотамии и Иране техника производства поливных изделий также была известна с древнейших времен, о чем свидетельствуют сохранившиеся изразцы из Нимруда, Хорсабада и Суз. В Сузах, среди развалин дворца Дария, было найдено значительное число изразцов от фриза с шествующими львами, покрытых цветными глазуриями и отличающихся высокими техническими и художественными качествами. К сожалению, поливная посуда, которую можно было бы с достоверностью отнести к этому времени, почти не сохранилась, хотя трудно сомневаться в том, что производство таковой вообще существовало. Но и от последующей эпохи, всего периода господства греков, парфян и сасанидов, мы имеем незначительное число образцов поливной керамики. Возможно, что высококачественная глиняная посуда не производилась в это время, так как предпочтение отдавалось изделиям из благородных металлов, серебра и золота.

Лишь в VII в. после арабского завоевания и распространения ислама, наложившего запрет на употребление посуды из благородных металлов, производство высококачественных керамических изделий стало быстро прогрессировать и в последующие века достигло очень высокого уровня. Интересно, что мастера по керамике, стремясь создать из глины столь же нарядные и блестящие изделия, как посуда из серебра и золота, изобрели способ росписи керамики надглазурными красками с металлическим, обычно золотистым, отли-

вом—люстром. Расписанная люстром керамика, в большом числе найденная в кратковременной столице халифата—Самарре на Тигре и датированная IX в. нашей эры, как и найденные там же изделия, покрытые цветными глазурями и расписанные кобальтом по глухой оловянной глазури, говорят о техническом и художественном совершенстве керамического производства этого времени.

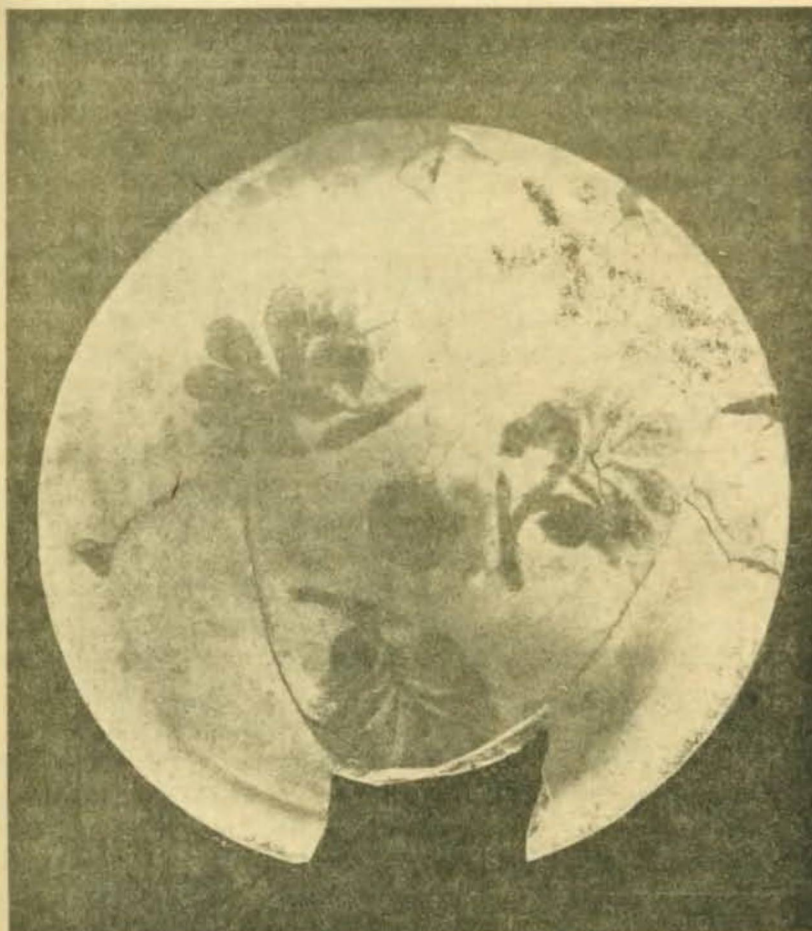

Рис. 1. Чана, расписана кобальтом по сырой глазури. Найдена в Двине. IX-X вв.

Этот высокий уровень сохраняется на Ближнем Востоке в течение всего средневековья, прогрессируя в значительной степени под влиянием керамики Дальнего Востока, где в VII в. также (но по другим причинам) керамическая промышленность получила толчок к усиленному развитию и в техническом отношении быстро опередила все страны мира.

К наиболее древним ближневосточным фаянсам Музея относятся изделия, покрытые белой непрозрачной глазурью с силуэтной росписью кобальтом по сырой глазури.

Эти фаянсы впервые были обнаружены в Самарре на Тигре. Самаррская керамика относится к IX в. нашей эры и, следовательно, этим временем и датируются рассматриваемые изделия. Помимо предметов, найденных при раскопках, в европейских собраниях имеется небольшое число чаш, такого же фаянса, найденных, повидимому, в Иране.

В литературе существует два мнения о происхождении этих фаянсов. Одни ученые приписывают их Месопотамии, другие Ирану. Во всяком случае найденные в Самарре фрагменты этих изделий по характеру черепка, мягкого и желтоватого, и по свойствам глазури, легко отскакивающей от теста, должны быть приписаны местным мастерским, так как перечисленные свойства черепка и глазури характерны для найденной в Самарре керамики, расписанной люстром, местное происхождение которой никем не оспаривается. В Музее имеются почти целиком сохранившаяся чаша № 124 (рис. 1) и несколько фрагментов этого фаянса; все они найдены в Двине. Черепок и глазурь двинских предметов настолько близки к фрагментам, найденным в Самарре, что их нужно считать завезенными в Двин из Месопотамии. Вместе с тем форма, размер и роспись двинской чаши настолько близки к опубликованным Зарре и Артуром Пооп чашам,¹ найденным в Иране (на них также изображено по три каштановых листа совершенно того же рисунка), что им трудно приписать иное происхождение. Следовательно, все эти фаянсы, как найденные в Иране, так и в Двине и Самарре, повидимому, производились в Месопотамии в IX и, вероятно, в X вв. нашей эры.

Интересно отметить, что эти изделия расписывались кобальтом по сырой (необожженной) глазури и, следовательно, этот способ украшения был известен на Ближнем Востоке еще в IX в., так что существовавшее мнение, что роспись по сырой глазури была изобретена в Италии в эпоху Возрождения, ошибочно.

В X и XI вв. на Ближнем Востоке, повидимому под непосредственным влиянием дальневосточной керамики, производились фаянсы со столь белым черепком, что не было необходимости маскировать его обмазкой из белой глины, ангобом. Эти изделия украшались тисненными и гравированными по сырому тесту орнаментами и покрывались прозрачными, бесцветными или цветными глазурями. При этом получается темный рисунок по более светлому фону, так как глазурь в углубленных местах лежит более толстым слоем. Этот, чисто керамический способ был распространен в Китае, где

¹ F. Sarre. Die Ausgrabungen von Samarra, Band II (табл. 18, № 167). The Survey of Persian art. (т. V, табл. 573 e.).

² Подробнее об этих фаянсах изложено в моей статье, „Художеств. керамика двинских раскопок“, Известия АрмФАН, № 4—5, 1940 г., стр. 192.

им пользовались для украшения каменных изделий¹ и фарфора.

Наряду с гравировкой эти фаянсы часто украшались небольшими, заполненными прозрачной глазурью отверстиями,—способ, в эту эпоху в Китае неизвестный. Армянская керамика этого вида нами уже была рассмотрена², здесь же мы остановимся на иранских изделиях. В Музее имеется несколько предметов этой керамики, по-

Рис. 2. Чашечка, украшена гравировкой по сырому тесту. Найдена в Рее. XI в.

ступивших из собрания Ш. Малаяна. В Султанабаде была найдена чаша № 1 сферической формы, покрытая бесцветной глазурью. Чаша лишена каких-либо украшений, лишь ее поверхность оживлена беспорядочно разбросанными небольшими отверстиями. Из Рея происходит другой предмет того же собрания. Это — небольшая чашечка-кубок, покрытая синей глазурью, № 30 (рис. 2). Снаружи, у края гравирован по сырому тесту орнамент в виде ламбрикенов. Оба предмета отличаются от армянских изделий этого вида твердым черепком, по шкале Мосса от 5 до 7 минерала, и сравнительно высокой кольцевой ножкой.

¹ Термином „каменные изделия“ называется керамика с твердым, совершенно непористым черепком. В отличие от фарфора черепок каменных изделий окрашен.

² В моей статье „Художеств. керамическая пром—сть средневековой Армении“, Известия АрмФАН, № 3—4 (17—18), 1942 г.

В датировке этих изделий не было единства мнений и лишь материалы анийских раскопок позволяют решить этот вопрос, ибо найденные в Ани армянские фаянсы этого вида по месту находки относятся к X—первой половине XI вв., и, следовательно, однотипные изделия Ирана должны быть отнесены к тому же времени.

К ранним люстрованным фаянсам Музея может быть отнесено лишь незначительное число фрагментов и среди них найденные в Ани два куска от белой чаши № 383 а и б, расписанные винно-красным люстром по прозрачной бесцветной глазури. На чаше изображена фантастическая птица с человеческой головой—сирин, среди растительных побегов. На одном фрагменте сохранилась голова, на другом—ноги и хвост. Плохая сохранность затрудняет определение как места, так и времени производства. Во всяком случае этот фрагмент резко отличается как своим люстром, так и черепком от иранских люстрованных фаянсов XII в. Вполне вероятно, что он относится к более раннему времени, к X или XI в.

Наиболее богато представлена в Музее иранская керамика XII—XIII вв., поступившая в Музей из находок в Ани и в Двине и из собрания Ш. Малаяна.

Главным керамическим центром Ирана в XII в. был город Рей. Рей был расположен недалеко от нынешнего Тегерана и в XII в., при сельджукидах, был наиболее населенным и промышленным городом Ирана. В начале XIII в. город сильно пострадал от монгольского нашествия, от которого он уже не смог вполне оправиться, и в XIII в. первенство Рея в керамической промышленности Ирана перешло к другим городам: Верамину, находившемуся недалеко от Рея, Султанабаду, Кашану, Саве и другим. Иранские фаянсы еще и сейчас настолько мало изучены, что трудно решить вопрос о том, в каком керамическом центре какие изделия производились. Можно лишь считать установленным, что основным центром по производству фаянсов с надглазурной полихромной росписью, минаи, был Рей, в то время как фаянсы, расписанные красками под бесцветной прозрачной глазурью, производились преимущественно в Султанабаде или где-либо поблизости от него. В вопросе о происхождении иранских фаянсов, расписанных люстром, в данное время не существует установившегося мнения. Еще не так давно, в основном, люстрованные фаянсы приписывались Рею, но в последнее время американские ученые Артур Пооп и Эттингхаузен¹, основываясь исключительно на стилистическом анализе, отрицают преобладающее значение Рея в производстве люстрованных фаянсов и на первое место выдвигают Кашан.

В вопросе о происхождении фаянсов с надглазурной полихром-

¹) The Survey of Persian art. The ceramic in islamic times. London, 1938/39.

Р. Эттингхаузен—«Определение кашанской керамики». III междунар. конгресс по иранскому искусству и археологии. Доклады, Ленинград, 1939 г.

ной росписью эти же ученые хотя и признают руководящее значение Рея, но относят к нему далеко не все то, что ранее ему приписывалось. Некоторые виды этих изделий относятся ими, в основном по стилистическому признаку, к мастерским Савэ и Кашана.

Керамика Исторического музея, состоящая из предметов, найденных при раскопках, позволяет выяснить некоторые спорные стороны в этом вопросе. Мнение вышеупомянутых ученых, повидимому, верно лишь отчасти, и стилистический анализ, взятый отдельно, без учета свойств черепка, глазури и красок, недостаточен для классификации фаянсов. И действительно, нет никаких оснований для предположения, что подражания и заимствования, столь распространенные в керамическом производстве нашего времени, не имели места в средневековом Иране. Правда, и подражающие живописцы вносили в роспись свои индивидуальные черты, свой почерк, но проследить и разобраться в этих тонкостях значительно труднее и возможно лишь при достаточном количестве абсолютно достоверного сравнительного материала, чего мы в данное время не имеем. Кроме того, не исключена возможность перехода и переезда мастеров из одного керамического центра в другой, в особенности тогда, когда города расположены на сравнительно небольшом расстоянии.

Вместе с тем почти невероятно, чтобы производившиеся в разных местах фаянсы имели бы совершенно одинаковые черепок и глазурь, так как свойство последних зависит не только от технического процесса и рецептур, но и от сырых материалов, перевозка которых, даже на сравнительно близкое расстояние, вряд ли возможна. Обратное же явление вполне вероятно, и в одном и том же месте могут производиться изделия, сильно отличающиеся своими физическими свойствами, в зависимости от способа производства.

Возвращаясь к описанию фаянсов Исторического музея, остановимся на люстрованных изделиях XII—XIII вв.

Мастерские Рея хорошо представлены в Музее. Из собрания Малаяна происходит донышко чаши № 43 (рис. 3, слева), с изображением всадника, найденное в Рее. Черепок этого фрагмента, не очень тонкого строения, светлосерого (с розоватостью) цвета и твердостью излома от 4 до 5¹, типичен для Рея. По белой, с легкой голубизной, глазури фрагмент расписан желтокоричневым люстром с сильно выраженным золотистым отливом с небольшой краснотой. Вторым образцом рейских люстрованных фаянсов является фрагмент сосуда, найденный в Ани, № 778 (рис. 4). Сосуд расписан очень красивым золотистым люстром. На тулове изображены сидящие округлые человеческие фигурки с круглыми лицами и мелкими чертами, типич-

¹ Иранские фаянсы XII—XIII вв. обычно целиком, включая и ножку, покрывались глазурью хотя на последней глазурь лежала тонким, небрежно нанесенным слоем; поэтому приходится определять твердость излома.

ные для иранских расписных фаянсов XII—XIII вв. По борту, среди стилизованной растительности шествуют фантастические звери, похожие на собак. В отличие от тулова на борту фон покрыт люстром, рисунок же резервирован и сохраняет белый цвет глазури.

Рис. 3. Фрагменты расписных фаянсов. Найденны в Рее. XII—XIII в. в.

Сосуд принадлежит как по качеству глазури и красоте люстра, так и по тонкости живописи к лучшим образцам рейских люстрованных фаянсов.

К первоклассным изделиям этого вида относится также замечательный фигурный кувшин в виде сирина, найденный в Двине

(рис. 5).¹ Кувшин разбит на несколько кусков и сохранился на три четверти. Голова сирина, служащая горлом сосуда, украшена невысокой круглой шапочкой. Крылья сирина сложены, но от спины поднимаются, загибаясь к голове, четыре пера. Грудь, крылья и перья сирина покрыты сеткой растительного орнамента.

Рис. 4. Фрагмент сосуда, расписан люстром. Найден в Аш. XII—XIII вв.

Все эти три предмета по характеру орнаментации относятся (и по мнению американских ученых) к Рею. И действительно, их светло-серый с розоватостью черепок не слишком тонкого строения, непрозрачная белая глазурь, слегка голубоватая в местах скоплений, и коричневый люстр с золотисто-красноватым отливом настолько близки у всех трех предметов, что их общее происхождение не вызывает сомнения. Интересно, что твердость излома у них одинаковая, она равна 4—5 по шкале Мосса.

¹ О нем подробно изложено в моей статье „Художественн. керамика двинских раскопок“. Известия АрмФАН, № 4—5, 1940 г. Очень похожий кувшин имеется в Тегеранском музее, он опубликован в Annales du service archeologique de l'Iran. Paris, 1936, т. I, стр. 183, рис. 127.

Наконец, к рейским люстрованным фаянсам относится в Музее фрагмент с арабской надписью. № 58/13 (рис. 3, справа). Этот фрагмент найден в Рее, его черепок, той же твердости, глазурь и люстр настолько близки к предыдущим, что его рейское происхождение не вызывает сомнения. Вместе с тем характер росписи этого фраг-

Рис. 5. Кувшин. Люстрованный фаянс. Найден в Двине. XII—XIII вв.

мента интересен и тем, что на нем соединились два стиля, которые признаются Артуром Попом и Эттингхаузенем типичными для Рея и Кашана. Верхняя часть фрагмента украшена резервированными по люстровому фону мелкими завитками, спиралями, точками и птичками, — по мнению этих ученых, типичный стиль кашанских фаянсов. Нижняя же часть фрагмента украшена более крупным орнаментом, признаваемым ими за стиль Рея. Последним орнаментом украшен найденный в Рее фрагмент Британского музея, который,

как производственный брак, не мог быть завезен в Рей¹. На этом примере мы видим, до чего осторожно нужно пользоваться стилистическим методом и насколько шатки те выводы, к которым пришли Артур Пооп и Эттингхаузен. Люстрованных фаянсов, приписываемых с достаточным основанием Кашану, в Музее нет. В собрании Малайяна нет предметов, найденных в Кашане, а решить — какие образцы

Рис. 6. Фрагмент. Люстрованный фаянс. Найден в Ани. XIII в.

из найденных в Ани и Двине фаянсов завезены в эти города из Кашана, в виду ненадежности выводов Артура Поопа и Эттингхаузена, сейчас еще невозможно. Но в Музее имеются люстрованные фаянсы безусловно не рейского происхождения, отличающиеся от последних не только стилем, но и черепком и люстром.

Вероятно, к мастерским Султанабада относятся фаянсы с грубым и твердым черепком, тверже рейских, по шкале от 5 до 6, расписанные зеленокоричневым люстром с преобладанием зеленоватоголубого отлива. Они, помимо люстра, украшены синей и голубой росписью, повидимому, по сырой непрозрачной белой глазури. К этим фаянсам относится найденный в Ани фрагмент № 780 (рис. 6).

Вся поверхность фрагмента покрыта типичной для этих фаян-

¹ Опубликован Эттингхаузенom в трудах III международного конгресса по иранскому искусству и археологии. Табл. XXXIV, верх. Ленинград, 1935 год.

сов росписью растительного характера. На ней изображены большие листья и цветы, очерченные синей краской. Внутренность листьев заполнена белыми, цвета непокрытой люстром глазури, мелкими растительными побегами. Кроме того, роспись оживлена беспорядоч-

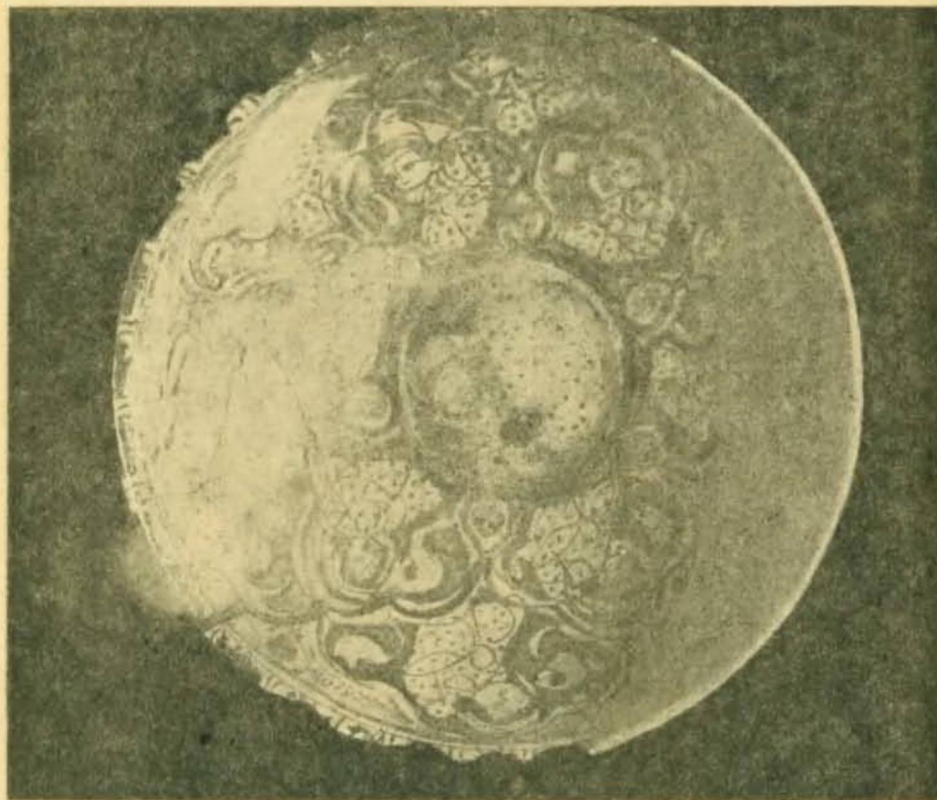

Рис. 7. Чаша. Расписана люстром. Найдена в Султанабаде. XIII в.

но разбросанными голубыми пятнами. Эти фаянсы датируются XIII и даже XIV в. Найдены они в Ани при раскопках жилых домов, построенных не ранее конца XII в., и, следовательно, XIII столетие вполне вероятно. Возможно, к мастерским Султанабада относятся в Музее еще две люстрованные чаши из собрания Малаяна, найденные в Султанабаде. Они имеют тонкий построению черепок, тоньше, чем у фаянсов Рея, но той же твердости, что у описанных выше фаянсов Султанабада. Расписаны они таким же зеленовато-коричневым люстром. На небольшой чаше № 4 изображены в медальонах крылатые сфинксы, на чаше № 11 (рис. 7) написаны сидящие в ряд круглые женские фигурки с лицами монгольского типа. Стилистически эти изображения трудно отличить от росписи рейских фаянсов, хотя черепок, без типичной для Рея розоватости и большей твердости и тонкости, и характер люстра говорят против предположения,

что эти, найденные в Султанабаде, изделия были завезены из Рее. Обе чаши так похожи по своим техническим качествам друг на друга, что их нельзя приписывать разным мастерским. Находились ли эти мастерские в Султанабаде или где-либо в другом центре Ирана, был ли это Кашан или какой-либо другой город—решить трудно, хотя сходство этих чаш с рассмотренными ранее фаянсами Султанабада делает наиболее вероятным предположение, что они сделаны там, где найдены.

Заканчивая обзор люстрованных иранских фаянсов Музея, остановимся на основных выводах.

Прежде всего Рей, повидимому, был основным центром производства люстрованных фаянсов в XII и начале XIII вв. В XIII в. выдвигается Султанабад, хотя в это время он не был единственным центром производства, но о других центрах материалы Музея не дают возможности судить.

Затем, стилистический метод, предложенный Артуром Пооп и Эттингхаузенем по отношению к люстрованным фаянсам, нужно признать несостоятельным. Мы видим, что фрагмент с арабской надписью, найденный в Рее и относящийся к мастерским этого города, украшен орнаментацией, типичной, по мнению американских ученых, в одной части для Кашана, в другой для Рее. Далее, найденные в Султанабаде чаши из собрания Малаяна по своим техническим свойствам не рейского происхождения, хотя имеют орнаментацию, встречающуюся и на рейских фаянсах.

К высшим достижениям иранской расписной керамики наряду с фаянсами, расписанными люстром, относятся также фаянсы с полихромной росписью по непрозрачным, иногда голубым, иногда белым глазурям,—минаи. По тонкости живописи, изысканности красочных сочетаний, по умению распределить на поверхности предметов фигуры и орнаментальные мотивы—эти фаянсы относятся к шедеврам расписной керамики всех времен и народов. Для них также типичны несколько условные округлые фигурки с лицами монгольского типа,—стиль общепринятый в иранском искусстве XII—XIII вв. и удержавшийся как в миниатюрной живописи, так и в прикладном искусстве чуть ли не до XVIII в.

Наряду с изображениями фантастических существ, сиринов, сфинксов и других, роспись этих фаянсов отражала и жизнь того времени. Встречаются очень метко схваченные, с большим чувством реальности изображенные сцены из жизни людей и животных. Женщины, играющие на лютнях и танцующие, сцены охоты и придворного быта и, наконец, плавно шествующие через пустыни караваны верблюдов украшают поверхность обычно небольших чаш и кубков, расписанных поверх глазури.

В собрании Музея эти фаянсы представлены, к сожалению, слабее люстрованных, но все же несколько образцов, хотя и очень

плохо сохранившихся, но высоко стоящих по качеству, имеется среди находок в Ани и в собрании Музея. В Ани найдена чаша, разбитая на множество кусков и сохранившаяся на одну треть, № 359 (рис. 8). Чаша покрыта очень красивой голубой глазурью, лежащей идеально ровным слоем. Поверхность глазури расписана красками и золотом.

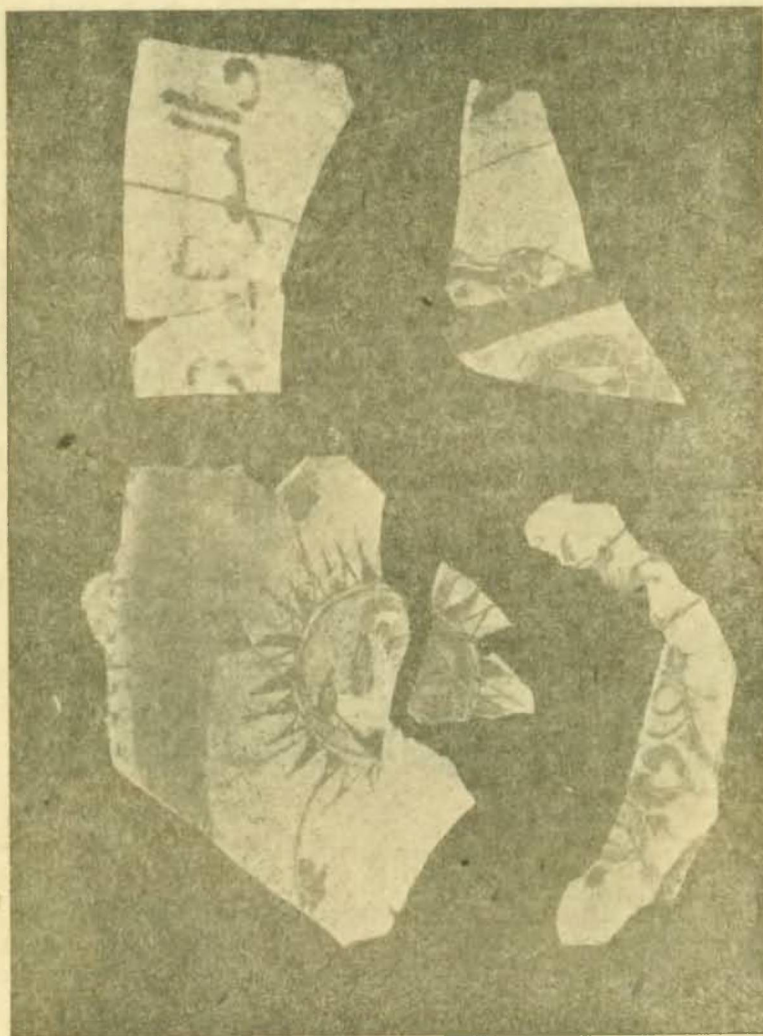

Рис. 8. Фрагменты чаши, расписанной красками поверх голубой глазури
Найдены в Ани. XII—XIII вв.

Черепок этой чаши не очень тонкого строения, светлосерого с розоватостью цвета, очень похож на черепок ранее рассмотренных рейских люстрованных изделий. Твердость его та же.

Плохая сохранность чаши не дает возможности судить о всей живописной композиции. Сохранились лишь диски с лучами, возможно, стилизованные подсолнухи или чертополохи с изображенными внутри дисков птицами в ярких оперениях; левая половина лица женщины—с локоном и левое плечо мужчины—в синей одежде с бе-

лыми клетками и золотой повязкой на рукаве. Внутри по борту тянется черная кайма с белой арабской надписью.

К изделиям столь же высокого качества относятся еще два фрагмента за № 360, также найденные в Ани. Они расписаны красками по непрозрачной белой глазури превосходного качества. На них изображены сидящие округлые женские фигурки того же стиля, как фигурки, украшающие люстрованные иранские фаянсы. Черепок фрагментов того же вида, как и у голубой чаши.

Остановимся, наконец, на найденном в Рее фрагменте чаши (сохранилось лишь донышко) из собрания Малаяна, № 55 с. По черепку и глазури, непрозрачно белой с голубизной, этот фрагмент очень близок к люстрованным фаянсам рейского происхождения. На нем изображен, с большим чувством реальности, шествующий по пустыне верблюд.

Все эти фаянсы как по росписи, так и по черепку безусловно рейского происхождения, притом их черепок и глазурь настолько близки к рейским люстрованным фаянсам, что становится вероятным производство как первых, так и вторых в одних и тех же керамических мастерских.

Рей был главным центром производства фаянсов с надглазурной полихромной росписью. Производство их возникло, повидимому, в XII столетии в Рее и первое время оставалось монополией этого города, но позднее, вероятно в XIII столетии, фаянсы минаи стали производиться и в других центрах Ирана.

Артур Пооп считает вторым центром их производства город Саве, к производству которого он относит изделия, расписанные в более блеклой красочной гамме. Вторым признаком для их классификации так же, как и фаянсов, расписанных люстром, по мнению Поопа, является стиль росписи. Одним из типичных для Савэ орнаментальных мотивов он считает волнистую цветную линию. В собрании Музея имеются два предмета, позволяющие проверить выводы американского ученого. Прежде всего, из собрания Малаяна происходит фрагмент от верха бутылевидной вазы, № 44 (рис. 9), найденный в Рее. Он украшен цветными волнистыми линиями, типичными, по мнению Поопа, для Савэ. Но черепок этот, по строению, цвету и твердости совершенно аналогичный рейским фаянсам, исключает возможность его не рейского происхождения. Вторым предметом Музея является найденная в Султанабаде чаша № 1 (рис. 10). Последняя расписана более блеклыми, чем предыдущий фрагмент, красками. Но и на ней встречается такой же орнамент в виде волнистой линии; вместе с тем черепок этой чаши отличается от прочей рейской керамики. Он по строению и твердости близок к найденным в Султанабаде люстрованным чашам, описанным нами выше, и, повидимому, происходит из того же керамического центра. Возможно, что эти из-

делия производились, как считает А. Пооп, в Савё, но положительных доказательств последнего у нас не имеется.

Определения Артура Поопа были, повидимому, верны относительно красочной гаммы; рейские изделия минаи отличаются более яркими красками, но его стилистический метод и для этих изделий оказался недостаточным и взятый отдельно может лишь запутать

Рис. 9. Фрагмент. Расписан красками по верх глазури. Найден в Рес. XII—XIII вв.

вопрос о происхождении фаянсов с надглазурной полихромной росписью.

К изделиям, очень близким к предыдущим по технике украшения, относятся фаянсы, расписанные красками и украшенные листовым золотом по прозрачной синей глазури. Они расписывались обычно растительным орнаментом, покрывающим поверхность предмета сплошной сеткой. В Музее имеется фрагмент такого фаянса от бугельвидной вазы, № 371 (рис. 11),¹ найденный в Ани. Он хотя и не может дать представления о красоте всего предмета в целом, но все

¹ Издан в цвете акад. Н. Я. Марром, «XI Анийская археологическая кампания», Петербург, 1913 г., табл. II, рис. 3.

же достаточно ясно говорит о том, какого технического и художественного совершенства достигло производство иранских фаянсов в эту эпоху. Нежные и тонкие белые арабески на темносиней, глубокого тона, поверхности фрагмента очень красивы. Эти изделия относятся к редким и изысканным фаянсам Ирана. Черепок нашего

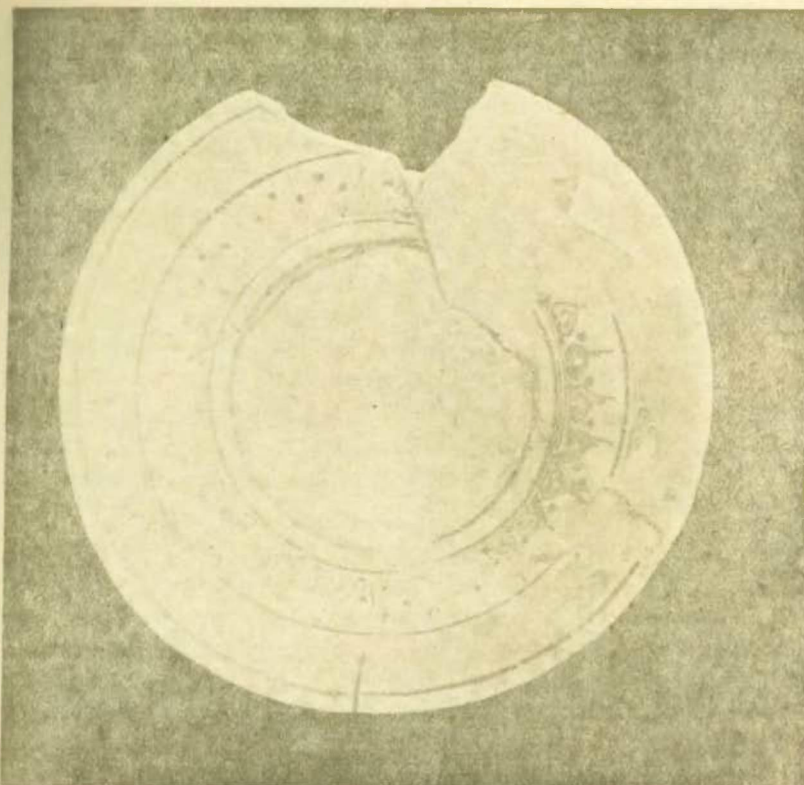

Рис. 10. Чаша. Расписана красками поверх глазури. Найд. в Султанабаде. XII—XIII вв.

фрагмента очень близок к рейским изделиям минаи и имеет с ними одну твердость. До последнего времени все авторы относили их к Рею; теперь же Артур Пооп, основываясь на обычно украшающем эти изделия мелком растительном орнаменте, приписывает их в основном к Кашану, но характер черепка у фрагмента Музея скорее говорит о правильности прежних мнений о рейском происхождении этих фаянсов.

Производство фаянсов с полихромной подглазурной росписью было особенностью мастерских Султанабада. Они отличаются от люстрованных султанабадских фаянсов мягкостью светлосерого черепка, обычно не тонкого строения, с твердостью по шкале Мосса от 3 до 4. Расписывались эти изделия преимущественно синей, голубой и зеленобурой красками. Последняя обычно служила лишь для прорисовки контуров. От фаянсов, расписанных красками поверх глазури,

они отличаются прозрачностью и глубиной как синих, так и голубых тонов; это объясняется тем, что во время глазурного обжига краски растворяются в расплавленной глазури.

Эти фаянсы вообще редки, и в Музее имеется лишь небольшое количество фрагментов, найденных в Ани. Большинство из них от-

Рис. 11. Фрагмент. Расписан поверх синей глазури. Найден в Ани. XII—XIII вв.

носится к большому блюду, к сожалению, сохранившемуся лишь в незначительной части. На центральном фрагменте от дна блюда № 438 (рис. 12, нижн.) изображена лежащая среди растительных побегов лань с поднятой головой. Лань не раскрашена и поэтому сохраняет светлосерый цвет черепка. Все тело животного покрыто мелкими темными точками. Лепестки растительных побегов окрашены в голубой цвет и красиво выделяются на синем фоне. На фрагментах от борта того же блюда изображены белые круги по синему фону. Датируются эти изделия несколько более поздним временем. Повидимому, они производились в XIII и даже в XIV в. Анийские фрагменты найдены при раскопках жилых домов, построенных не ранее конца XII в., и, следовательно, фрагменты Музея по месту находки нужно датировать XIII веком.

Из анийской коллекции происходят фаянсы, также расписанные красками под глазурью, но с более тонким по строению белым черепком. Они близки к предыдущим фаянсам и, повидимому, произ-

водились также в Султанабаде. Черепок у них хотя и отличается по строению, но имеет ту же твердость. Похожи краски и манера росписи. Контуры рисунка обведены той же бурозеленой краской. К сожалению, имеются лишь фрагменты. На большом куске № 672

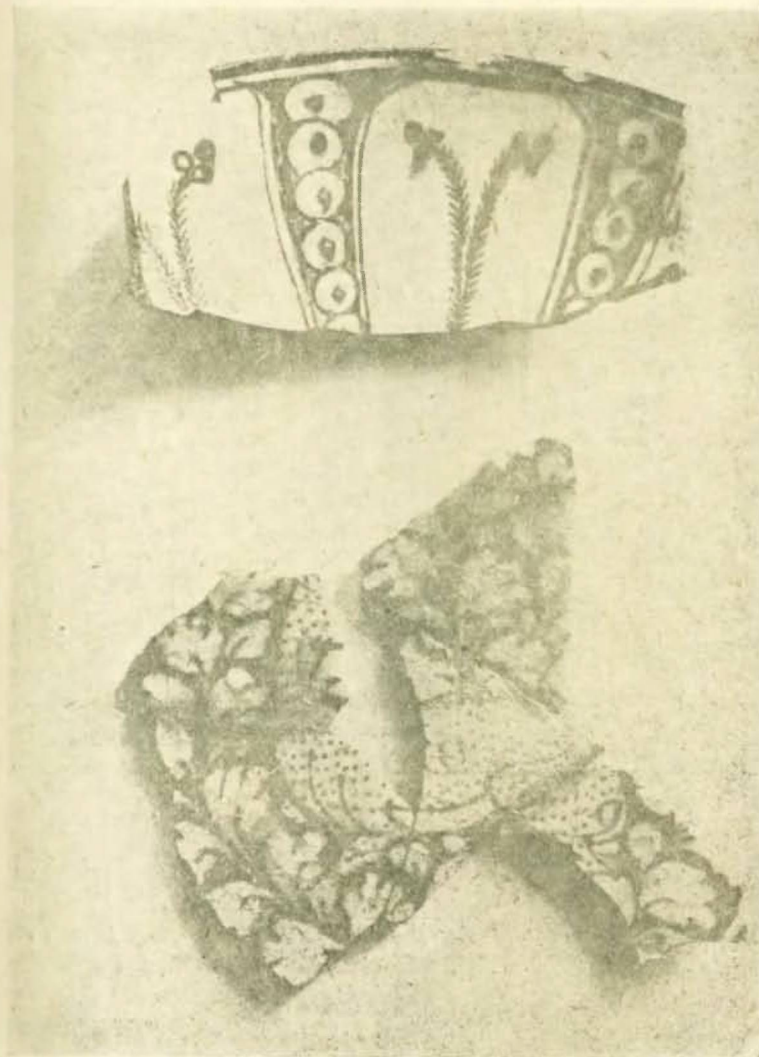

Рис. 12. Фрагменты. Расписаны красками под глазурью. Найд. в Ани. XII—XIV вв.

(рис. 12) от борта чаши внутри белых полей, имеющих вид лепестков, изображены по два тонких лепестка с маленькими цветочками. Между полями, от края к середине чаши, по синему фону, как и на предыдущих фаянсах, тянутся цепочки из белых кругов с точкой посередине того же рисунка. Найдены они там же, и, следовательно, их нужно датировать XIII в.

Заканчивая обзор иранских фаянсов Музея, остановимся еще на одном виде изделий, расписанных черной краской под прозрачной

цветной глазурью. Наиболее изысканны и редки предметы с прозрачной зеленой глазурью глубокого тона, но их в Музее нет. Вторая разновидность фаянсов этого вида с черной росписью под голубой глазурью представлена в Музее несколькими предметами из собрания Малаяна и фрагментами, найденными в Ани. Последние по качеству значительно лучше предыдущих, но они плохо сохранились.

Рис. 13. Ваза. Расписана черной краской под голубой глазурью.
Найдена в Ани. XII—XIII вв.

Производились эти изделия, повидимому, в нескольких керамических центрах Ирана, установить которые сейчас невозможно. Особенной красотой отличаются предметы, расписанные рельефно положенной черной краской под бирюзовой глазурью; к ним относится в Музее небольшая вазочка № 762 (рис. 13), найденная в Ани. Вазочка принадлежит к высшим достижениям иранской керамической промышленности как по тонкому, совершенно белому, плотному и твердому черепку (по шкале от 5 до 6), так и по красоте блестящей голубой глазури. Датируется она по месту находки XIII веком, хотя производство расписанных черной краской под цветной глазурью фаянсов продолжалось в Иране и в XIV столетии.

Иранских фаянсов, расписанных, в подражание китайскому фарфору, кобальтом под глазурью, ни в Ани, ни в Двине не найдено. Эти изделия появились в Иране в XIV столетии, и отсутствие их в Ани

и в Двине говорит о том, что в это время оба города утратили свое торговое значение.

Китайский фарфор и каменные изделия

До VII в. нашей эры китайская керамическая промышленность стояла приблизительно на том же техническом уровне, как и у других культурных народов мира. Лишь с этого времени начинается ее бурный расцвет, вскоре завоевавший для китайской керамики первое место. Происходит это одновременно с развитием керамической промышленности Ближнего Востока, но по другим причинам.

Прежде всего в это время в Китае впервые были открыты и использованы для промышленных целей залежи высокосортных глин с большим содержанием каолина, отличающихся как огнеупорностью, так и чистотой. Каолин является основным сырьем в фарфоровом производстве, и его применение в VII веке допускает возможность производства фарфора уже в это время, хотя вряд ли это могло произойти так скоро. Для получения фарфора требуется, помимо каолина, применение чистых (свободных от примесей) железа, песка и полевого шпата, открытие секрета получения прозрачных и тугоплавких глазурей и, наконец, достижение очень высокого обжига. Все эти условия были настолько сложны, что вряд ли в те отдаленные времена можно было их быстро открыть и освоить. Первоначально применение каолина привело, повидимому, к производству так называемых каменных изделий, отличающихся от фарфора окрашенностью и непрозрачностью черепка при такой же твердости и непористости. Последнее качество было особенно ценно, так как вошедшее в моду в эту эпоху чаепитие, обставляемое очень торжественно (церемония имела религиозный оттенок), требовало посуды со сплошным черепком, так как проникавший в поры фаянсовой посуды через небольшие, почти всегда имеющиеся трещины чай засорял ее и вредил чистоте вкуса и запаха. Этим условиям вполне отвечали изделия, выточенные из нефрита — полупрозрачного камня, издревле служившего в Китае материалом для драгоценных культовых сосудов. Теперь из него стали вытачивать посуду для чая, отличающуюся, помимо высоких технических качеств, красотой полупрозрачного голубовато-зеленого материала.

Но эта посуда была очень дорога, так как, помимо редкости камня, требовалась большая затрата труда для выточки посуды из столь твердой горной породы. Стремление найти заменитель нефрита привело к открытию сперва каменных изделий, которые в подражание камню покрывались голубовато-зеленой глазурью (селадон), а затем и полупрозрачного фарфора. В производстве этих обоих видов керамических изделий Китай оказался пионером, и китайская керамика нашла сбыт на мировых рынках, где селадон и фарфор очень высоко ценились. Селадону приписывались чудесные свойства. Счи-

тали, что селадоновые сосуды выдают, изменением окраски, отравленную пищу. Приписывать керамическим изделиям фантастическую силу было возможно только потому, что производство их казалось на Ближнем Востоке и в Европе загадочным, так сильно отличались они технически даже от самых твердых и плотных фаянсов.

В средние века селадон и фарфор ввозились и в Армению, и Исторический музей обладает прекрасными образцами этих изделий, найденных при раскопках Ани и Двина.

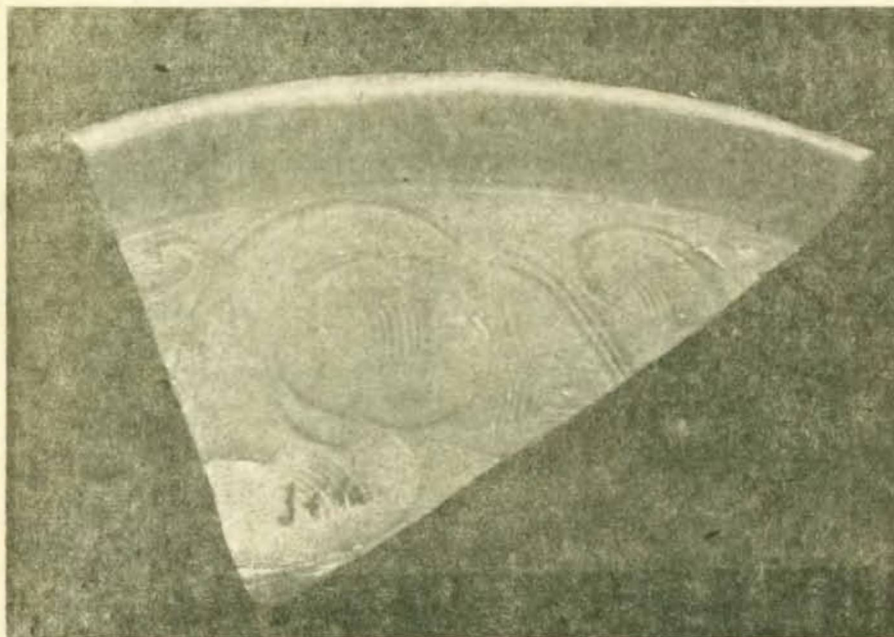

Рис. 14. Фрагмент из каменной массы. Китай, X в. Найден в Ани.

К наиболее ранним образцам китайской керамики относятся в Музее несколько фрагментов так наз. „северных селадонов“ и фарфоровая чаша, найденные в Ани.

„Ранние (или северные) селадоны“ производились в Китае в IX—X вв., в провинции Chekiang, и назывались Juēh-уао. Они впервые были опубликованы Зарре среди материалов самаррских раскопок в 1925 году. Раскопки производились в 1913 году и, повидимому, фрагменты Исторического музея были найдены раньше, хотя установить точно год находки наших экземпляров невозможно ввиду утери номера Анийского музея древностей. Фрагменты Музея, № 474 (рис. 14), относящиеся к одному и тому же блюду, имеют серый, очень твердый черепок. Девятый минерал шкалы, корунд, черты на изломе не оставляет. Фрагменты покрыты прозрачной, слегка зеленоватой глазурью, без кракелюр. Глазурь покрывает поверхность

предмета тонким слоем. Под глазурью очень тонкой гравировкой по сырому тесту исполнен орнамент чисто китайского характера. Изделия относятся к самым ранним китайским каменным изделиям, еще очень мало изученным. Лишь раскопки 1926 года в провинции Chekiang, проведенные под руководством Mauzo Nakao, установили место их производства¹.

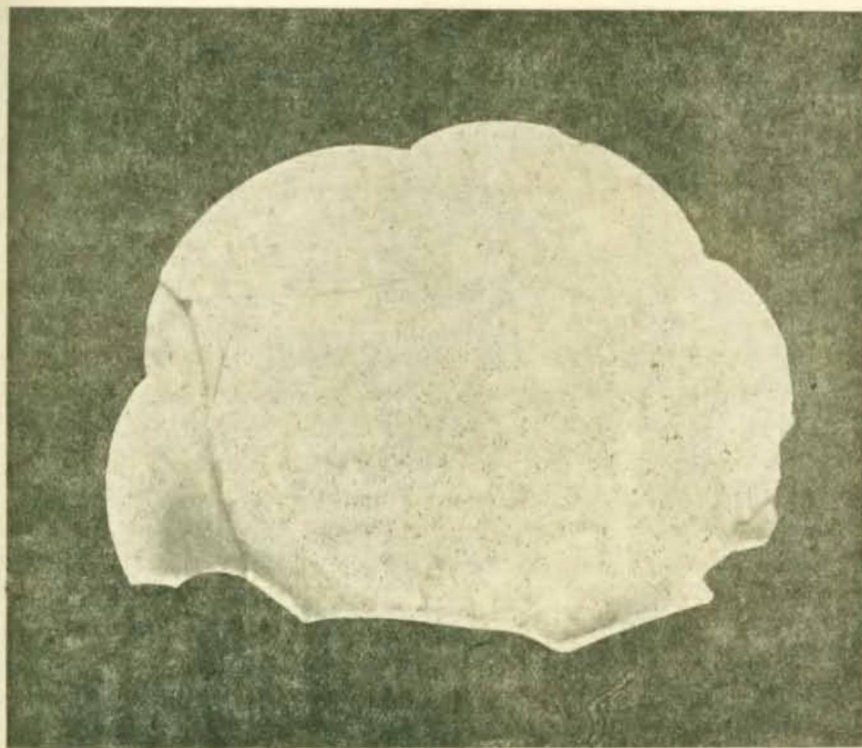

Рис. 15. Чаша, фарфоровая. Китай, X в. Найдена в Ани.

Не менее интересна в Музее фарфоровая чаша в виде шестилепесткового цветка, № 772 (рис. 15), найденная в колодцах—хранилищах дворца багратидов в 1907 году. Чаша имеет белый, полупрозрачный и твердый (по шкале от 8 до 9) черепок с раковистым изломом.

Чаша покрыта бесцветной, слегка зеленоватой глазурью, лежащей тонким слоем. Кракелюр нет. Глазурь не отличается особой чистотой, на ней видны небольшие бурые пятнышки. Покрывает она всю чашу, кроме кольцевой ножки, и лежит не вполне ровным слоем.

Среди керамики, найденной в Самарре, имеется фарфоровая ча-

¹ Ostasiatische Zeitschrift, 1940 г. Heft 1/2. Статья L. Reidermeister „Das Juëh-yao“.

ша¹, очень похожая на анийскую. Она имеет такой же черепок и такую же глазурь. Оба предмета относятся к одному и тому же производству. Зарре датирует найденную в Самарре чашу концом IX в. По месту находки анийская датируется не позднее середины XI в., но так как столь прочные и ценные изделия, как фарфор, могли долгое время находиться у владельцев дворца, то для нее вполне вероятно и X столетие. В таком случае, разрыв между ней и фарфором, найденным в Самарре, становится не столь значительным; оба предмета, вероятно, сделаны в конце правления династии Тан (618—907г.). Последнее обстоятельство имеет большое значение для истории изобретения фарфора.

До опубликования в 1925 году результатов раскопок в Самарре в этом вопросе существовало поразительное разногласие. Если ранее некоторые авторы допускали изобретение фарфора уже в VII в. нашей эры, то другие, как Мюнстерберг, полагали, что настоящий фарфор появился в Китае лишь с XIV столетия. Получался разрыв в целых семь столетий. Находки в Самарре и Ани (анийская чаша найдена на 6 лет раньше самаррской, но, к сожалению, до сего времени не была опубликована) решают этот вопрос. Сейчас можно считать установленным, что в IX в. в Китае фарфор уже производился и в конце века экспортировался на Ближний Восток.

Но, несмотря на раннее изобретение фарфора, этот материал еще долго, в продолжение всего правления династии Сун, со второй половины X в. по XIII в., не имел большого значения в производстве высококачественной китайской керамики, уступая каменным изделиям. Это явление объясняется тем обстоятельством, что в Китае особенно ценились в эту эпоху цветные тугоплавкие и непрозрачные глазури фиолетовых, красных и сине-черных тонов, с красивыми красочными пятнами, напоминавшими языки пламени. Эта окраска получалась во время обжига от случайностей в смене окислительного и восстановительного огня. Красивые экземпляры получались редко и особенно высоко ценились. Так как эти глазури совершенно скрывали черепок, то достоинства фарфора, а именно белизна и полупрозрачность, не имели значения, и цветными глазурями покрывались каменные изделия, не уступавшие фарфору в твердости, плотности и непористости; окрашенность же и непрозрачность черепка последних не вредили красоте предметов. Лишь после, когда в Китае получило распространение производство керамики, расписанной кобальтом под прозрачной бесцветной глазурью, фарфор как материал стал особенно цениться. Произошло это в XIV в., и с этого времени по XVII в. белый с синей росписью фарфор стал основной продукцией высококачественной керамики, находившей сбыт не

¹ F. Sarre „Die Ausgrabungen von Samarra“. Band II, XI F. № 217.

только внутри страны, но и усиленно вывозившейся в страны Центральной и Южной Азии и Ближнего Востока.

Керамики с окрашенными пламенистыми глазурями в Музее нет. Эти изделия очень высоко ценились в самом Китае и мало экспортировались. В основном, во время сунской династии, вывозилась посуда, покрытая полупрозрачными, голубовато-зелеными глазурями, селадоны. Последние представлены в Музее рядом фрагментов первоклассного качества, найденных в Ани и в Двине. Анийские экзем-

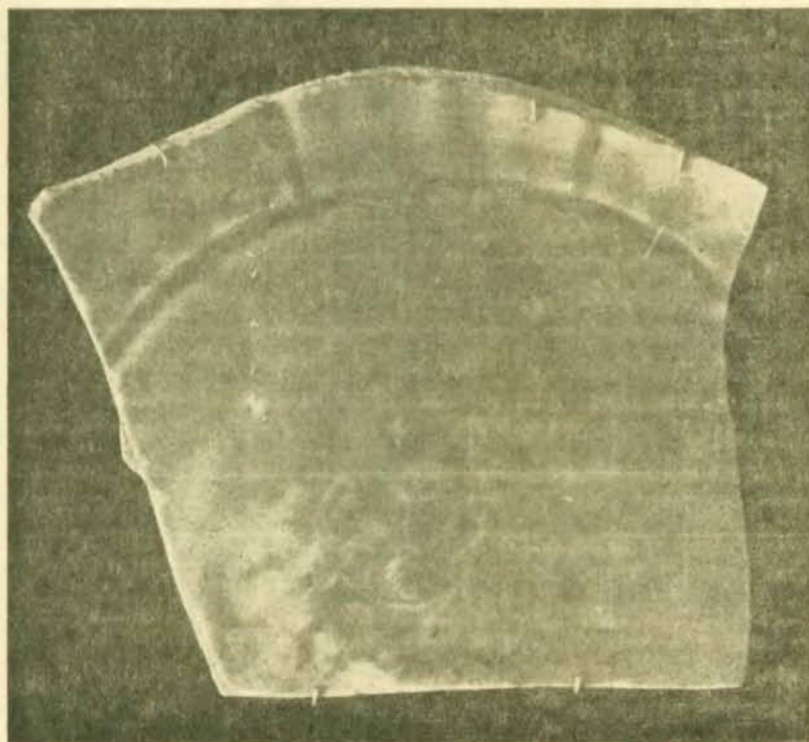

Рис. 16. Фрагмент селадона. Китай, XII—XIII вв. Найден в Ани.

пляры, лучшие в Музее, обнаружены в большинстве при раскопках жилых домов, построенных не ранее конца XII в., и, следовательно, они относятся ко второй половине царствования династии Сун. Принадлежат они к двум видам.

К первому относятся изделия, покрытые глазурью, окрашенной солями закисного железа, назывались они в Китае Lung huan-уао. К лучшим из этих фрагментов относится дно от большой плоской чаши на невысокой кольцевой ножке, № 762 (рис. 16). Черепок его сероголубого цвета отличается твердостью, корунд не оставляет на нем черты. С обратной стороны фрагмента оставлено непокрытое глазурью кольцо, кирпично-красного цвета. Окраска его объясняется тем, что содержащееся в черепке железо, при восстановительном

обжиге дающее сероголубую окраску, в окислительном окрашивает черепок в кирпично-красный цвет. Так как окислительный режим вводился в обжигательной печи после расплавления глазури, то в красный цвет окрашивалась лишь поверхность непокрытого глазурью черепка. Серозеленая глазурь нашего фрагмента отличается чистотой и гладкостью и не имеет кракелюр. Украшен фрагмент рельефной тисненной орнаментацией. На нем изображен букет; стебли, лепестки и два цветка в китайском стиле. Черепок, глазурь и

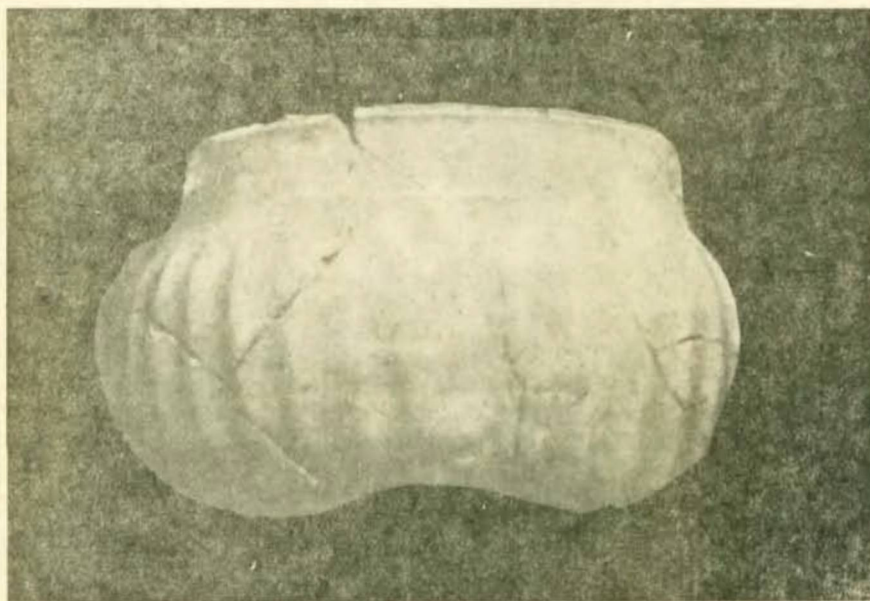

Рис. 17. Фрагмент вазы. Селадон. Китай, XII—XIII вв. Найден в Ани.

тонкая моделировка растительного орнамента не оставляют желать лучшего. Поражает прочность глазури. У пролежавшего в земле в течение нескольких столетий фрагмента глазурь не обнаруживает никаких разрушений.

Ко второму виду селадонов относятся в Музее изделия с голубовато-зеленой глазурью, окрашенные, повидимому, медными солями; назывались они в Китае Ко-уао. К ним принадлежит фрагмент от пузатой вазы с широким горлом и канелированным туловом, № 751 (рис. 17). Черепок этого фрагмента как по виду, так и по твердости очень похож на предыдущий. Глазурь покрывает предмет толстым слоем и вся покрыта трещинками. Непокрытый глазурью ободок вазы имеет кирпично-красный цвет. В отличие от ранее рассмотренных селадонов ободок покрашен на сравнительно большую глубину, около 5 мм, но кирпично-красный тон не так ярк, как у первых. В местах, где глазурь дала трещины, просвечивает черепок красноватого тона. Повидимому, здесь произошло то же явление, что и в

непокрытых глазуриями местах, а именно: содержащееся в черепке железо под влиянием окислительного обжига из закисного перешло в окисное, окрасив при этом тесто в кирпично-красный цвет.

Мы уже говорили, что вывозившиеся на Ближний Восток селадоны очень высоко ценились, и, конечно, мастера местных керамических мастерских стремились им подражать. Несколько таких фрагментов, к сожалению, незначительных по размеру, имеется в Музее, № № 679, 675. Их глазурь действительно напоминает глазурь селадона, но она несколько зеленоватее по тону. Черепок же типично фаянсовый и очень далек от твердого и совершенно непористого черепка селадонов. В этом отношении фаянсы, подражающие фарфору, значительно ближе подходят к оригиналу.

С XIV в. в Китае на первое место выдвигается производство фарфора, расписанного кобальтом под бесцветной глазурью, хотя производство каменных изделий с окрашенными глазурями там продолжало еще существовать. Белый, с синей росписью, фарфор в большом количестве вывозился из Китая, но в Музее образцов этих изделий не имеется, и ни в Ани, ни в Двине их не найдено. Последнее объясняется тем, что эти крупные, в прошлом, торговые центры в XIV в. находились в полном упадке. Для Двина XIII век является пределом. В Ани же в начале XIV в. жизнь еще продолжалась, но так как белый, с синей росписью, фарфор вряд ли мог попасть на Кавказ раньше конца XIV в., то понятно, почему он не обнаружен при анийских раскопках. Что эти изделия ввозились на Кавказ, доказываются раскопками старой Гянджи, где найдено значительное число этих изделий, некоторые из коих имеют марки минских императоров XV в.

Заканчивая обзор китайской коллекции Музея, мы видим, что с X по XIII в. Армения поддерживала интенсивные торговые связи не только со странами Ближнего Востока, но и с отдаленной Китайской Империей.

Значительное же число найденных в Армении фрагментов столь редких и ценных изделий говорит о размерах торговли и зажиточности высших слоев городского общества армянских городов того времени.

Армянский Филиал Академии наук СССР.
Институт истории и материальной культуры

Բ. Ա. ՇԵԼՎՈՎՆԻԿՈՎ,

ՄԵՐՁԱՎՈՐ ՈՒ շԵՌՄԱՎՈՐ ԱՐԵՎԵԼԲԻ ՄԻՋՆԱԴԱՐՅՍՆ ԳԵՂԱՐՎԵՍՏԱԿԱՆ
ԿԵՐԱՄԻԿԱՆ ԵՎ ՆՐԱ ՆԵՐՄՈՒԾՈՒՄԸ ՀԱՅԱՍՏԱՆ

(Ըստ Հայաստանի Պետական Պատմական քանդարունի նյութերի)

Ա Մ Փ Ո Փ Ո Ւ Մ

Հայտնական ՍՍՌ-ի Պատմական թանգարանի մերձավոր և հնավոր արանյան կերամիկան կազմված է երեք ժողովածուներից՝ Անիում ու Դվինում գտնված խեցեղեն իրերից և Մալաթյանի՝ Թանգարանին նվիրած իրանական հախճապակյա իրերից:

Անիում և Դվինում պեղումների միջոցով գտնված են մեծ թվով իրանական, հաճախ շատ բարձր որակի, կերամիկայի ֆրագմենտներ: Առկա են XII—XIII դարերի խեցեղեն իրերի գրեթե բոլոր հիմնական տեսակները, մի հանգամանք, որ վերջում է առևտրական սերա կապի մասին Հայաստանի և Իրանի միջև:

Բացի իրանական իրերից՝ Հայաստանում գտնված են, թեպետև շատ քիչ քանակությամբ, նաև Միջագետքի հախճապակյա իրեր: Դրանց շարքն են դասվում կորալոսի սիլուետային նկարազարդեր ունեցող, հաճախ հետաքրքրական խեցեղեն իրերը, որոնք հար և նման են Սամառայում գտնված ֆրագմենտներին:

Իրանական կերամիկայի հավաքածուն, որ նվեր է ստացված Մալաթյանից, չնայած վատ պահպանված լինելուն, ունի գիտական մեծ արժեք, որովհետև հայտնի են գրեթե այն բոլոր վայրերը, ուր գտնվել են այդ իրերը: Այս հանգամանքը հնարավորություն է տալիս իրար հետ համեմատելու միևնույն ու Սուլթանաբադում գտնված իրերը և հանգելու այն եզրակացության, որ դժվար է դասակարգման ենթարկել իրանական հախճապակյա իրերը, ելնելով նկարազարդման ոճից, ինչպես այդ անում են ամերիկյան գիտնականները—Արթուր Պոպը (Arthur Pope) և ուրիշները: Այսպես օրինակ՝ Թանգարանում կան Ուլյում և Սուլթանաբադում գտնված հախճապակյա իրեր, որոնք զարդարված են մրատիկ օրնամենտացիայով, թեպետ խեցու (body), ջնարակի և լյուստրի տեսակետից եղած տարրերով թյունները բացառում են այդ իրերի ընդհանուր ծագումը:

Թանգարանի չինական կերամիկայի ամբողջությամբ, եթե չհաշվենք սելագոնի երկու ֆրագմենտը, գտնված է Անիում:

Հնավոր արհեստանոցային խեցեղեն իրերի մեջ առանձնապես հետաքրքրական է IX—X դարերին պատկանող ձենապակյա թասը, որ գտնվել է Բադրատունիների պալատի թաղստոց հորի մեջ և խեցու, ձենապակու ու ջնարակի տեսակով շատ մոտ է Սամառայում գտնված թասին: Այդ թասը գտնվել է 1907 թվականին, հետևաբար, Սամառայում գտնված ձենապակուց վեց տարի առաջ: ձենապակու գյուան անելու վիճելի հարցում, Անիի թասը, սամառյան ֆրագմենտների հետ միասին, ունի վճռական նշանակություն, ապացուցելով այդ արաբերությամբ մաղ ծագումը Չինաստանում:

Ձենապակուց բացի՝ Թանգարանում կան Անիում գտնված մի քանի

տիպի սելադոններ և դրանց սնչ՝ «շյուսթայրն» սելադոններ, Jueh-yao, որոնք նույնպես գտնված են Սամառայում և առաջին անգամ հրապարակված են պրոֆ. Զարրեյի կողմից 1925 թվականին:

Հայաստանում գտնված շինական խեցեղեն իսկոհ դպրի քանակը ցույց է տալիս, որ Հայաստանն առևտրական ինտենսիվ կապեր է ունեցել Արևելքի հետ, և քաղաքային բնակչության բարձր խափն ապրել է ունենոր կյանքով, առտնին պետքերի համար դորժածելով այդքան հազվագյուտ և արժեքավոր իրեր:

B. A. Shelkovnikov

The medieval artistic ceramic of Near and Far East

(Grounded on the materials of the Historical Museum of the Armenian Branch of the Academy of Sciences of the USSR)

Summary

Near and Far East ceramic of the Historical Museum of Armenia comes from the three collections: of the objects which have been discovered at Ani and Dvin and of the faiences donated to the museum by Malayan.

By means of excavations at Ani and Dvin there has been discovered a great number of fragments of Iran ceramics often of a very high quality. Almost all the principal species of ceramic-wares of the XII—XIII centuries are exhibited here and that is significative of the close trade of Armenia with Iran.

Besides the faiences of Iran, and though in a considerably smaller quantity there have been found in Armenia faiences of Mesopotamia. These highly interesting wares silhouetted with cobalt similar to the fragments which have been found at Samarra must be assigned to them.

The collection of Iran ceramics received as a donation from Malayan has a great scientific importance notwithstanding its bad preservation, because the place of discovery of all the objects is known. The latter offers us the possibility to compare the wares which have been found at Rayy with those at Sultanabad and to come to the conclusion that the classification of Iran faiences taking the style of painting as an exclusive point of departure, as it is done by American scientists, Arthur Pope and others, is a difficult thing. So, for instance, there are faiences in the Museum, which have been found at Rayy and Sultanabad, decorated with ornamentings of the same type, though the distinctions in the body, in the glaze and lustre exclude their being of the common origin.

The Chinese ceramic of the Museum wholly, with the exception of the two fragments of seladon, has been found at Ani.

Amongst the Far East objects, the early china cup of the IX—X centuries, which has been found in one of the wells-depositories of the palace of the Bagratides, is particularly interesting. It approaches very near in character of its body and glaze to china found at Samarra. This cup was found in 1907, hence it had been discovered six years earlier than the china at Samarra. In the vexed question on the date of invention of china-making the cup of Ani, together with the fragments of Samarra, has a decisive importance attesting the earlier rise of this manufacture in China.

Besides the china, there is a considerable number of seladons of some types and amongst them the „northern“ seladon, Juēh-yao, also found at Samarra, and introduced to the public for the first time by professor Sarre in 1925.

A considerable number of objects of China ceramic that have been found in Armenia bears witness of intensive commercial connections of Armenia with the Far East, as well as of wealthiness of the upper classes of the urban population, who have been making use of such rare and costly objects in their household.